

УДК 821.161.1(051)(1-81)
DOI 10.17223/19986645/30/12

Т.П. Шастина

ОЙРОТИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ»: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАИНЫ

В публикациях журнала «Сибирские огни» 1922–1926 гг. на примере Ойротии (Ойротской автономной области) в статьях рассматриваются основные линии конструирования образа советской национальной окраины: а) этносоциальная (алтайцы/ойроты – туземцы, экзотический первобытный народ); б) природно-экологическая (Горный Алтай – «дикое» экзотическое пространство); в) идеологическая (в условиях национальной автономии туземцы должны срочно преодолеть отсталость). К моменту создания Сибирского союза писателей эти линии слились в утверждение, что отображение жизни туземных народностей – обязательное условие развития региональной литературы.

Ключевые слова: литературный регионализм, русская литература Сибири, журнал «Сибирские огни», Ойротия, туземцы, мотив, национальная политика.

Трансформация сибирских культурных реалий, происходившая в богатую на преобразования раннесоветскую эпоху, выдвинула на первый план задачу формирования привычной для русской литературы и журналистики системы «толстых» журналов, ориентированных на «новые, определившиеся, художественно окрепшие силы» [1. С. 14]. В словесности края ведущее место в рамках этого процесса в 1922 г. прочно заняли «Сибирские огни» (далее СО). Первые «огнелюбы» верили, что искусство, «здоровое и нужное грядущему <...> полыхнет своим заревом неожиданно и ослепительно ярким из глубин новых классов, откуда-нибудь из периферии России» (СО. 1922. №2. С. 145). Подобные ожидания идеологически и географически были связаны и с проблемой туземцев – «малых», «отсталых» народов Сибири, получивших те или иные формы национально-территориальных автономий и только еще учившихся жить по правилам СССР как «коммунальной квартиры» [2]. По нашим наблюдениям, наиболее целенаправленно в СО конструируется образ Ойротии¹ (Ойротской автономной области), в 1922 г. созданной на территории Бийского уезда Томской губернии (ныне Республика Алтай).

Задача данной статьи – реконструкция воображаемой Ойротии как советской национальной окраины в период вызревания в СО идеи Сибирского союза писателей и его создания. В момент оформления этого творческого союза отдельным пунктом художественно-идеологической платформы (СО. 1926. № 3. С. 229) были узаконены «литературные» права сибирских туземцев (что можно интерпретировать и как появление дополнительного маркера специфичности сибирской советской литературы). Известно, что в первой

¹ «Ойроты, или «у й р я т ы», – восстановленное название коренных тюркских народностей, которыми они назывались в XVI в.» [3. Ст. 105].

трети XIX в. журналы, прежде всего «Сибирский вестник» Г.И. Спасского¹, сыграли решающую роль в конструировании Сибири как «литературной реальности» [4. С. 100]. СО сыграли аналогичную роль в отношении советской Ойротии. В столичной журналистике ориентиром для СО была «Красная новь» [5], в региональной – областнический журнал² «Сибирские записки» (Красноярск, 1916–1919) и «Сибирский рассвет» (Барнаул, 1919). Включение СО в этот ряд, сделанное В. Зазубриным на первом Сибирском съезде писателей (СО. 1926. № 3. С. 221), позволяет конкретизировать литературную сверхзадачу названных журналов как метатекстовых единств³ – создание образа Сибири, в том числе путем развенчивания одних и создания других мифов. В частности, в СО миф об очистительном пожарище пролетарской революции трансформировался в костер творчества⁴, собирающий/согревающий таланты и выводящий их на «светлый путь». И если в том огненном контексте возникновение СО В. Яранцев назвал парадоксальным [8. С. 159], то формирование образа национальной окраины в нем видится вполне закономерным: колониальный дискурс, развитый сибирскими областниками⁵, широко использовался в политической риторике по национальному вопросу периода нэпа (но в словаре эпохи слово «областничество» имело негативный оттенок [3. Ст. 2–9]).

Среди всех «медвежьих», «диких», «отсталых», «первобытных» углов и закоулков Сибири, которые предстояло «осветить» СО⁶, Ойротия оказалась самым «удобным» претендентом на роль «подопытного» для решения художественно-идеологических задач конструирования образа национальной окраины:

- она обладала практически полным набором признаков «культурной отсталости» [10. С. 29–49], что позволяло демонстрировать на её примере переход национальных меньшинств из категории «иностранцев» (т.е. практически «чужих» [11]) в категорию «своих»;

- её территория не имела репутации «гиблого места», места ссылки и каторги, её малочисленное население, кочевое и полuosедлое⁷, не было до начала Гражданской войны заражено никакими оппозиционными идеями и представляло чистую доску для большевистской пропаганды;

- у «миллионных масс пролетариата» она не вызывала экономического интереса, пропагандировалась её рекреационная привлекательность;

¹ Дань уважения своему предшественнику СО отдали в статье Б. Смирнова «Григорий Иванович Спасский (материал к биографии)» (СО. 1927. №1. С. 110–118).

² Вопросы истории сибирской журналистики в аспекте формирования и эволюции областнических идей в XIX – начале XX в. подробно раскрыты Н.В. Жиликовой [6. С. 64–101].

³ Поэтика журнала как метатекстового единства была комплексно проанализирована В.С. Киселевым на материале ряда литературно-публицистических актов начала XIX в. [7. С. 98–121].

⁴ В момент создания СО в Новониколаевске уже был поэтический клуб «Костер на снегу» (СО. 192. № 1–2. С. 216).

⁵ Интересное совпадение – в Новониколаевске (Новосибирске) во время подготовки первого номера СО, вспоминала Л. Сейфуллина, редколлегия переехала с ул. Ядринцевской, 31 на ул. Потанинскую, 26 (СО. 1927. № 1–2. С. 217).

⁶ В.Б. Шкловский отметил, что в русской традиции журнал как литературная форма заменял собой библиотеку, что журналы шли «на окраины, в глухие углы» [9. С. 386].

⁷ По переписи 1926 г. насчитывалось 99 627 человек из них «алтайцы и казаки (киргизы) составляют 44,4%» [12. С. 134].

– у интеллигенции специфические географические, этнографические особенности и климатические условия Горного (Русского) Алтая еще в XIX в. создали образ такого неисчерпаемого научного Эльдорадо (чему способствовало открытие Томского университета) и сибирского курорта, а потому сибирские и столичные ученые, писатели и журналисты стремились попасть в Ойротию летом, чтобы совместить полезное с приятным;

– в отличие от Крайнего Севера (до наступления советской эпохи, как и Горный Алтай, не поддававшегося обрусению) туда достаточно комфортно можно было добраться.

Название «Ойратия» – «республика Ойрат» возникло с подачи известного сибирского авантюриста [13] В.И. Анучина¹. С момента официального утверждения статуса автономной области это слово явно резало слух, а потому «явочным путем» оно было переделано в «Ойротия»² (примечательно, что в столичных журнальных публикациях использовалось документированное «Ойратия»³, а на местах употреблялось только «Ойротия» (газета «Красная Ойротия», национальность «ойрот», Ойротский обком и т.п.). В конце 1947 г., признав это название «не соответствующим исторической действительности», от него «по просьбам трудящихся» отреклись⁴. С 7 января 1948 г. в названии автономной области стал использоваться идеологически нейтральный географический термин – Горно-Алтайская. Факт директивного переименования⁵ позволяет рассматривать ойротский период (1922–1947 гг.) как заверченный этап истории Горного Алтая. На этом этапе СО сначала сформировали образ Ойротии как типичной советской национальной окраины, затем на его основе закрепили идеологему «преодолевшие отсталость»⁶. В региональной литературе это закономерно привело, если вспомнить рассуждения В. Шкловского о журнале тех лет как литературной форме⁷, к созда-

¹ На Учредительном Горно-Алтайском краевом съезде инородческих и крестьянских депутатов в феврале 1918 г. он призвал объединить земли «бывшего Государства Ойрат» («русский Алтай, земли минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию») в самостоятельную республику [14. С. 155–163.].

² Н.К. Рерих писал о «глухости» и «заброшенности» Алтая – «так называемой теперь Ойротии», населенной «вымирающим финно-тюркским племенем» [15. С. 42]; «Только недавно эта область, полная прекрасных лесов, гремящих потоков и белоснежных хребтов, получила собственное имя – Ойротия. Страна Благословенного Ойрота, народного героя этого уединенного племени» [15. С. 108].

³ Например: Черный А. Автономная Ойратия: к пятой годовщине // Сов. строительство. 1937, № 7. С. 102–107; Махоткин Г.Д. Охотничье хозяйство Ойратии // Северная Азия. 1926, № 5–6. С. 133–136; Эдоков Л.М. Автономная Ойратия // Сов. Азия. 1931. № 3–4. С. 207–214.

⁴ При рассмотрении вопроса «О переименовании Ойротской автономной области» на заседании Ойротского бюро ВКП(б) 8 дек. 1947 г. были названы основные причины отказа: 1) «термин ОЙРОТ не привился алтайцам в качестве самоназвания»; 2) «ОЙРОТ – это алтайское произношение термина «ОЙРАТ» <...> Термин «ОЙРОТ» является синонимом терминов «калмык» или «западный монгол» и совершенно чужд алтайцам»; 3) «В преданиях алтайцев все западно-монгольские ханы выступают под общим собирательным именем «Ойрот-хан»; 4) термин «Ойрот» в Горном Алтае был знаменем объединения реакционных сил» [16. С. 90.].

⁵ Об идеологическом переосмыслении и символическом «переименовании» «завоеванной периферии» в пределах сибирского текста см. [17. С. 60].

⁶ В период нэпа «правильным способом преодоления отсталости было бурное и бескомпромиссное национальное строительство, т.е., согласно официальной идеологии еще большая отсталость» [2. С. 350].

⁷ В.В. Шкловский, исходя из мысли о кризисе большой литературной формы в 1920-е гг., создал модель *нового* журнала, «который, поставив рядом разные куски эстетического и внеэстетического

нию первого романа об Ойротии – «Великого кочевья» Аф. Коптелова (СО. 1934. №3. С. 1–133; 1935. №3. С. 1–167) – писателя, целенаправленно «выращенного» В. Зазубриным из массы «самосочинителей» (СО. 1932. № 1. С. 74–78).

Поскольку после X съезда партии «все нерусские народы были «националами», имевшими право на собственную территориальную единицу» [2. С. 344], программно-идеологическое задание СО включало рассмотрение проблем таких территорий (метко названных Ю. Слезкиным «коллекцией национальных матрешек» [2. С. 344]) в Сибири. Научный отдел первого выпуска открывал «Культурно-исторический очерк об алтайцах (К вопросу о выделении автономной области «Ойрат») Л.А. Сары-Сеп Конзычакова, застолбивший в журнале национально-сибирский¹ проблемно-тематический комплекс. Историческая и этнографическая часть этой публикации была построена на известной работе С.П. Швецова [19]. Конзычаков, зав. подотделом Алтгубнаца², обосновывая необходимость создания автономии по национальному признаку, воспроизвел в очерке алтайскую легенду о хан-Ойрате, в основе которой лежит мессианский мотив и мотив потерянного и возвращенного рая (к мифопоэтическому и политическому толкованию этой легенды, актуализация которой привела к серьезным межнациональным и межконфессиональным конфликтам в Горном Алтае в 1904 г. [12. С. 52–61]; СО будут неоднократно возвращаться³). Изложение легенды сопровождалось авторским комментарием в духе борьбы с великодержавным шовинизмом («Будучи эксплуатируемыми и притесняемыми во всех отношениях со стороны пришлого элемента – русских, алтайцы жили лишь своими преданиями, которые гласили, что когда им будет совсем уже невыносимо жить, придет хан-Ойрат и освободит их от власти пришельцев» (СО. 1922. №1. С. 114) и встраивалось в этнографическую схему описания языческого пантеона и шаманских практик, ставших в раннесоветскую эпоху маркерами «угнетенных народов Востока».

Отсутствие опыта научной работы у автора и четких требований к публикуемым текстам у редколлегии (в состав которой в 1922 г. входили М. Басов, Ф. Березовский, Е. Ярославский, В. Правдухин, Л. Сейфуллина, Д. Тумаркин) привело к полной запутанности вопроса о том, кто такие ойраты⁴ и почему необходимо создавать для них национальную автономию в Сибири. Еще более запутал этот вопрос «проф. В. Анучин»⁵, считавший себя специалистом по «ойротскому вопросу». Он старался развенчать мессианскую роль Ойрот-хана, в пришествие которого все еще верили «темные инородцы» Горного

материала, хотя бы случайно показал нам – как и из чего можно строить вещи нового жанра» [9. С. 392].

¹ Только в Горном Алтае, по данным Н.В. Екеева, в начале XX в. насчитывалось 11 территориально-племенных групп [18. С. 93].

² Л.А. Сары-Сеп Конзычаков – боец за автономизацию алтайцев [20. С. 124–127], он был обвинен в сепаратизме и расстрелян [21].

³ См.: Анохин А.В. Бурханизм в Западном Алтае // СО. 1927. № 5; Бакай Н. Легендарный Ойрат-Хан (Из истории туземных движений на Алтае) // СО. 1926. № 4; наиболее яркое художественное воплощение легенды принадлежит Н.К. Рериху (картина «Ойрот – вестник Белого Бурхана», 1925 г.)

⁴ Обзор истории вопроса и современную точку зрения см. [22].

⁵ Детальный анализ истории научного самозванства В. Анучина дан в работах Л.В. и К.М. Аздовских, вошедших в книгу «История одной фальсификации» [23].

Алтая, и развивал свои идеи, высказанные в 1918 г. Анучин решительно выступил против определения алтайцев как «диких» и «темных инородцев» – это потомки «джунгарцев» («дзюнгорцы» – жители Алтая входили в список народов, официально признанных в Российской империи инородцами [11. С. 507]), имевших некогда высокий уровень культуры. Слово «ойрат» он трактует как «союз» (СО. 1922. №2. С. 197).

Безусловно, автономизация способствовала возрождению и расцвету культуры народов Сибири (что вызвало развитие темы многонациональной Сибири в русской литературе [24]), но перспективы такого расцвета в первый год существования СССР не были радужными. Ив. Евсенин, упоминая алтайцев в статье «К вопросу о сохранении сибирских туземцев (очередная задача национальной политики в отношении карагасов)» высказал предположение, что «они вряд ли скоро справятся с теми многочисленными и сложными задачами, которые неизбежно диктуются объективными условиями самостоятельного строения своей жизни» (СО. 1922. №4. С. 89)¹. В принципе «самостоятельного строения» еще не предполагалось, осуществлялось руководство «сверху» – в период нэпа и культурной революции уровень народов советского Востока однозначно определялся как «отсталость» [25. С. 41]; на шкале общественного прогресса это соответствовало уровням «непросвещенности», «неразвращенности» [26. С. 68–116], что на языке художественных представлений начиная с XVIII в. репрезентировалось в диапазоне «дикарь» – «дитя природы», а на языке юридического именовалось «инородец»/«нацмен».

Примером тому служит один из первых литературных опытов Г.М. Пушкирева – цикл этюдов «Младенцы гор» с его лейтмотивом «дик Алтай». Цикл открывается пейзажной зарисовкой в духе горно-алтайского травелога XIX – нач. XX в. (Г. Спасский, П. Чихачев, Г. Мейер, Г. Потанин, Н. Ядринцев, В. Сапожников, В. Шишков и др.): «Оборвался утес. Сполз камнем в бешеный поток и снова полез ввысь.

Была тропа – нет её, лезь в воду. Вода ревет, кричит; с боков – стены, а вверху блестит солнце, высоко, ярко...

Из-за поворота нырнула тропа и спряталась в щель: кедры, пихты, не лес – великаны. Лежит медведем – не перескочишь, объезжай.

Журчит внизу ручей – чистый-чистый, – зеркало грязней. Видно все, песчинки сосчитать можно, не замутишь, не загрязнишь. Вода – растворенный хрусталь: чиста, холодна, сладка... Метнулась тайга в горы, ушла в березняки. Заалела маральниками, зацвела пестрыми глазками, покраснела огнями – спуталась хмелем, вьюном и полезла вверх к хрусталикам. Зубьями блестит хрусталь – алмаз, – игрушка – здесь музыка солнца.

Блеснули снега... Смерть, холод... А под камнями... Под камнями чуть-чуть родничок капает. А возле малютка цветочек разрыл лапками снежок.

Дик Алтай (СО. 1922. №5. С. 75).

¹ В этом сомнении уже проступают черты «просветительского» дискурса ранней советской власти, описанного Т. Мартином [25]: насадим автономию, но будем «воспитывать», позднее будет: сохраним автономию, оставим их в покое, но всех «националистов» расстреляем (под расстрельные статьи в Ойротии попали практически все первые писатели-алтайцы: А.П. Чоков, А.В. Тозыяков, П.А. Чагат-Строев; художник Г.И. Чорос-Гуркин и др.)

Первозданная чистота этого «царства камня и воды, его животворящая сила – редкие по типу авторской эмоциональности пейзажные образы в литературе тех лет. Это чистое пространство населяет Пушкирев особыми людьми: «Внизу, в долине, вверху у снегов, в тайге – в горах, везде – люди... такие же дикие, особые – алтайские.

Дик Алтай. У него все свое: своя душа, свой склад, своя прелесть, простота.

И народ свой: тихий, скромный, с прекрасной душой, с душой младенца, младенца гор» (СО. 1922. № 5. С. 75).

На фоне весеннего обновления природы Пушкирев рисует портреты трех старых аборигенов («калмыков»), в каждом развивая один из колониционных мотивов: *Асындай* («Под маральниками»¹) – переселенческий мотив; *Ах-тынбай* («В горы») – мотив спаивания аборигенов; *Согоног* («Мошно») – мотив миссионерского нажима. И стиль цикла, и смысл его лейтмотива («дикий» – это и «чужой», и «первозданный») воспринимаются как романтические.

Зазубрин решительно возражал против такого романтизма: «Пушкиреву не удалось алтайцы. Пушкирев пишет о туземце так, как когда-то писали «кающиеся» дворяне о крестьянах. Я думаю, что этой «болезнью» кающегося дворянина страдает не один сибирский писатель, когда подходит к изображению туземца. Уж очень мы его жалеем, боимся обидеть. Старемся представить как можно лучше. Я думаю, что туземцы не нуждаются в этой жалости. Туземца нужно давать стихийно и просто, как стихия и прост он сам» (СО. 1927. №2. С. 188). Заметим, что в вопросе изображения туземца Зазубрин оказался в меньшинстве, в художественной практике возобладала порицаемая им точка зрения. В критическом запале Зазубрин противоречит самому себе: туземец «стихийный и простой» – классический тип романтического аборигена, да и в статье «Литературная пушнина» не сам ли он утверждал: «...то, что считается недопустимым в этнографии, допустимо в литературе. На этот счет придумали даже специальные термины – экзотика, романтика и т.д.» (СО. 1927. № 1–2. С. 203).

К романтическому мотиву первозданности Алтая обращается второй в высшей степени репрезентативный идеолог СО – В. Правдухин. Разбирая роман Г. Гребенщикова «Чураевы» (Париж, 1922), критик сопоставляет образы Алтая в творчестве Новоселова («Беловодье») и Гребенщикова. Алтай – «сказочное беловодье», глухомань Сибири», «девственный и богатый», трактуется им как исключительное пространство исключительной («отмирающей бесплодной») веры старообрядцев². Миф о Беловодье связан с представлением о земле, хранящей сказочные запасы. В подтверждение этой мысли сошлемся на авторитетную дореволюционную книгу с характерным для такой трактовки названием – «Алтай, будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки» [29]. Пафосное патристическое резюме «редактора-составителя», псевдоним которого не раскрыт, воспринимается как обоснование программы научных исследований природных богатств Горного Алтая: 1) нигде не встречается такого большого сплошного горного пространства,

¹ Маральник – местное название рододендрона Ледебера (*Rhododendron ledebourii*).

² См. современную трактовку беловодской темы в творчестве А.Е. Новоселова в работах К.В. Анисимова [4. С. 238–252] и Н.В. Ковтун [27]; в творчестве Г.Д. Гребенщикова – в работах Т.Г. Черняевой [28].

как на Алтае; 2) нигде вид горного пространства не представляет такой грандиозности и в то же время такого разнообразия <...>; 3) нигде горы <...> не содержат в себе таких громадных запасов всевозможных металлов и разнообразнейших минеральных богатств... [29. С. 21].

Популяризация идей (до практического воплощения их в жизнь дело до нашего времени не дошло), озвученных в этой книге, происходит в Ойротии в 1920-е гг., чему в немалой степени способствуют публикации СО. Метафора Беловодья в той идеологической системе переживает дальнейшую трансформацию, сливаясь с метафорой «Горный Алтай – Сибирская Швейцария»; к списку «путешествующих» открывателей в это время добавляются отряды альпинистов, экскурсанты-отпускники и даже юные пионеры. Слова В.В. Сапожникова «...быть на Алтае только туристом – слишком роскошно для туриста и слишком мало для Алтая» [30. С. I] становятся девизом алтайских краеведов.

И все же весь период своего существования Ойротия продолжала оставаться в литературе «неизведанным краем». Этнограф А.В. Анохин в год создания Ойротской автономной области констатировал, что Алтай «хорошо знают только ученые люди, прежде всего ученые западные (немцы, датчане, англичане) и ученые русские (Радлов, Ядринцев, Потанин, Адрианов, Клеменц, Швецов, Сапожников и др.), но <...> большинство народа, живущего в России, совсем его не знают. Русский народ знает Кавказ, знает Урал, слышал он и про Альпы, почему же он мало знает Алтай? Да потому, что Алтай стоит в стороне от великого сибирского пути» [31. С. 15].

В первое советское десятилетие перенос центра тяжести в исследовании отдельных регионов был сделан с академической науки на массовое краеведческое движение. Основатели советского краеведения отмечали лихорадочное возрастание интереса к своей стране [32], к отдельному уголку России, уезду, губернии, области. Одной из важнейших сторон краеведческой деятельности того периода являлась организация экскурсий, для которых Горный Алтай «с его полудикой жизнью, с могучими горными хребтами, с вершинами, сверкающими белизной вечных снегов и ледников», с его «широко раскрытой книгой природы» и «первобытной культурой» населения (СО. 1925. № 1. С. 234) как специально был создан.

«Заглянуть в таинственные чертоги беловерхого Хан-Алтая, провести месяц в горах – для нас, привычных жителей равнин, куда как интересно!» – писал в отчете «Горные экскурсии рабочей молодежи» В. Шемелев, пропагандируя одновременно трудовой отпуск как достижение нового строя. Отпускники на описанном им маршруте познакомились «с историей алтайских племен, с их нравами и обычаями, верованиями» (СО. 1925. № 1. С. 240), прошли из Чемала через высокогорные перевалы («белки») по направлению к Телецкому озеру, восхищаясь безлюдностью покоряемого пространства и покоем царственной природы. Заметки об этом были в меру разбавлены этнографизмом: «...кругом торжественный покой и безмолвие. Есть и признаки человека. Алтайцы-бурханисты ценят красоту таких заповедных уголков в глубине гор: вот на площадке над озером ими протянут аркан с жертвенными ленточками, ленточки и на кедрах...

Вообще же признаки человека нам попадались очень редко. Только – тропы, проложенные охотниками за маралами, часто уже заросшие... да на перевалах жертвенные камни – «обо», сложенные благочестивыми алтайцами» (СО. 1925. №1. С. 243).

Выполняя образовательную и воспитательную задачи похода, по пути экскурсанты «знакомились с первобытной жизнью обитателей айлов, такой простой и несложной» (СО. 1925. №1. С. 245), вели среди местного населения пропаганду гигиенических навыков, организовывали «смычки с молодежью». В дневнике постоянно встречаются упоминания об экзотических (с точки зрения наблюдателя) насельниках Горного Алтая: старообрядцах, «первобытных» теленгитах, тубalaraх. В походе экскурсанты получили значительный объем «краеведной» информации и обрели одно из сокровищ «Хан-Алтая» – запасы здоровья.

Сюжетно-мотивный комплекс скрытых сокровищ – один из самых традиционных в художественно-идеологическом воображении Горного Алтая. Он восходит к семантике топонима «Алтай» – «золотые горы» (алтын-туу). Анохин, вслед за В.В. Сапожниковым¹ утверждавший, что «красота – это одно из неотъемлемых достоинств Алтая», перечислял другие ценности этой горной страны: «Он богат лесом, он богат своими кристальными водами, он богат рудами: медной, серебряной, свинцовой и золотом, он богат драгоценными разноцветными камнями, каменным льном асбест, каменным углем, зверями, птицами, старинными (археологическими) предметами, разнообразными травами и проч. В нем до сих пор сохранились археологические редкости: старинные могилы, каменные бабы, оросительные каналы, развалины городищ, писаницы на скалах, относящиеся к бронзовому веку. Его горы и долины покрыты разнохарактерною растительностью. В его водах живут, кроме обычных видов, редкие экземпляры рыб... Его долины населяет народ тюркского племени, живший изолированно целые века и представляющий собой огромной величины интерес для ученого мира [31. С. 16].

«Ойротские» публикации «Сибирских огней» первых лет издания сочетают мотив скрытых сокровищ с мотивом «большого путешествия» – малые народы сами из «первобытных дикарей» превращаются литературой в открытые сокровища. Развертываемый в публицистике как чисто прагматический (поиск сырья для индустриальных гигантов первых пятилеток или укрепление здоровья трудящихся), этот комплекс в СО свободно комбинируется с романтическими фронтирными сюжетами в духе Майн Рида, Фенимора Купера и Джека Лондона. Яркий тому пример – «алтайская» подборка в 6-м номере журнала за 1925 г., состоящая из крошечных рассказов («Сан-су», «Трое», «Один», «Симу») впоследствии весьма уважаемого в Западно-Сибирском крае за «актуальность тематики» и «выдержанную советскую идеологию» [3. Ст. 1051] прозаика Петра Стрижкова – самая первая из его публикаций о сибирском золоте и золотоискателях² – и стихотворений

¹ Профессор В.В. Сапожников считал, что источником эстетического наслаждения в горах Алтая являются непривычные для жителя равнин и степей «художественные сочетания темного леса и пенных горных потоков, ослепительно-снежных вершин и ярко-цветистого горного луга с опрокинутым над всем глубоким синим небосводом» [30. С. I].

² «Перечень литературных трудов П.Н. Стрижкова» см. [33. С. 118–119].

Л. Мартынова «Голый странник» и М. Терентьевой «В горной заимке». Указанные публикации составляют своеобразный романтизированный цикл, объединенный местом действия.

Герои двух первых рассказов П. Стрижкова – золотоискатели, типичные персонажи времен золотой лихорадки. В «Сан-су» – безымянный европеец, «высокий, голубоглазый, со светлыми волосами... Орлиный взгляд и твердо сжатые губы, винтовка за плечами, за поясом смит...» (СО. 1925. № 6. С. 74); место действия – «дикая, почти неисследованная часть горного Алтая к востоку от Телецкого озера». В «Трех» тот же тип персонажа получает имя – «просто Нед», его мечта тоже обретает имя с романтическим ореолом – «Дженни». Для очерчивания художественного пространства рассказов наряду с реальными оронимами и гидронимами северного Алтая автор использует старательскую картографию – герой как бы припоминает карту, по которой он шел к заветной долине: «То самое место. Направо гора, похожая на спину верблюда, налево пик высокий и тонкий, как минарет, а между ними река» (СО. 1925. № 6. С. 74).

Эта точка в экзотическом пространстве необитаемого высокогорья становится местом встречи цивилизованного героя и *дикой монголки* по имени Сан-су – «считают Сан-су красавицей в Монголии и много калыма дают» (СО, 1925, № 6. С. 74). Ради «могучего и сильного, как бог» незнакомца Сан-су сбегает от соплеменников. Все лето она помогает золотоискателю, но, не дрогнув, убивает его, поняв, что тот спокойно уезжает, добыв достаточно золотого песка¹.

Во втором рассказе трое золотоискателей: Нед, Сорок-Волков и Кузеш (алтаец «низенький, сухой, как японец, с косыми глазами, с выдающимися скулами и приплюснутым носом», «охотник и хищник, для которого тайга – дом» (СО. 1925. № 6. С. 75), поглощенные укреплением штольни в начале паводка, пропускают точку невозврата. Этнографически точное описание внешности Кузеша – привязка сюжета к географическому пространству Горного Алтая, как и имена Сан-Су, Кузеш, стилизованные под тюркизмы; психологическая же характеристика героя никак не соотносится с национальным типом – алтаец («младенец гор») не может быть хищником в тайге.

В миниатюре «Один» четко обозначено историческое время и описаны реалии Чуйского тракта – бомы, узкие участки дороги на прибрежных скалах. Герой – снова безымянный – ехал с партконференции в высокогорный Кош-Агач, «и темной лентой извивалась горная дорога, то круто взбегая вверх, то прячась за изломом утеса. Шумела река, и прозрачно-зеленые струи бежали вперед, стиснутые с боков темно-серыми громадами, покрытыми снегом. Черный полушубок, ремень желтой змеей, портфель, с боку наган.

¹ В этом небольшом рассказе объединяются элементы «большого путешествия» (Ю. Слезкин заметил, что «туземные бунтари против прежней жизни – в основном девушки» [26. С. 333]), вестерна и популярного в 1920-е гг. мотива дикого сердца («Дикое сердце» Артема Веселого, «...Сорок первый» Б. Лавренева). Рассказ Стрижкова был написан «по свежим следам» открытий алданского колымского золота (1923–1924 гг.), старательская разработка которого, по оценке В.А. Ламина, чем-то была похожа на «золотую лихорадку», но «никому из «диких» старателей «бешеное» золото не принесло ни «бешеного» состояния, ни надежного благополучия» [34. С. 118].

Солнце кровавым глазом смотрело между двумя вершинами и медленно садилось, окрашивая в розовое снег. Стемнело на боме. Узкая дорожка, разехаться негде, повернуть нельзя. Под обрывом река шумела и пенилась... (СО. 1925. № 6. С. 77).

Застигнутый в этом узком месте, он не смог отстреляться... Сюжет навеян официально пропагандируемой в тот период героикой Гражданской войны (теме которой «Сибирские огни» в тот период уделяли первостепенное внимание), продолжавшейся в Горном Алтае до 1922 г.¹

Название четвертому рассказу Стрижкова «Симу» дал сибирский самострел, применявшийся в охоте на крупного зверя. Ипатыч, благообразный пасечник, настроил самострел на медведя и размышлял о том, как передаст свое хозяйство сыну, вот уже четыре года воюющему вдали от родных мест... А сын в это время торопился к отцу по той самой тропе...

Таким образом, в миниатюрах Стрижкова локус Горный Алтай создается монтажом «оромантизированных» сюжетов, позволяющих представить его как пространство столкновения цивилизованного героя с детьми природы, с фатальными или даже мистическими обстоятельствами.

Эту трактовку образа усиливает Л. Мартынов (с 1924 г. работавший разъездным корреспондентом «Советской Сибири»). Он делает Алтай местом рождения легенды о голом страннике: «Впервой /он появился у предгорий/Алтая» (СО. 1925. № 6. С. 79). Голый странник из легенды может быть и мистическим призраком – порождением «военных жестоких лет», и гордым безумцем, «с природою вступившим в бой», или, как и лирический герой, «зимы противником ярым», зовущим вернуться в «страну тепла и красоты». Горы Алтая в стихотворении становятся непроходимой границей, не позволяют метельной тьме и холоду – неизменным мифологемам Сибири – проникнуть внутрь этого пространства, за пределами которого «...в безмолвье белом/ Так тяжек гнет печей, овчин./ Болеют жены дряблым телом, / Мужчин одолевает сплин» (СО. 1925. № 6. С. 79). Соответственно, все, что находится под защитой Алтайских гор, можно рассматривать, по Мартынову, как пространство здоровых духом и телом, пространство света и радости жизни.

Героиня ранней баллады М. Терентьевой² «В горной заимке» – экстравагантная столичная особа, «с тоски-змеи», невесть как, но по собственной воле, оказывается внутри этого пространства, «у горных вод, у таежных высот». Стихотворение начинается с кульминационного момента – с осознания опасности остаться «вечной гостьей» разухабистого сибирского купчины, надежно скрывшего заимку от людских глаз («здесь, кругом, ни жилья, ни света»). Сибирская лексика баллады (белки, бельники, чернь, кедрач, заимка), дополненная алтаизмами (чигень, аил), формирует представление о совершенно экзотическом месте действия, образ которого складывается из всплывающих

¹ Экзотические обстоятельства событий Гражданской войны в населенном экзотическими народами Горном Алтае порождали и экзотические литературные сюжеты типа «Стенька Разин и княжна», как, например, в повести малоизвестного писателя Николая Добычина-Алтайского «Ит-Кара» [35].

² Мария Кузминична Терентьева (Терентьева-Катаева) (1906–1996); жена прозаика Ивана Катаева, была репрессирована вслед за мужем. Первый авторский сборник вышел после реабилитации [36]. Составляя книгу воспоминаний о муже, она включила в неё прекрасные страницы о Горном Алтае [37. С. 147; 189–192].

в памяти запертой красавицы деталей: кресты на погосте у аила, тесная ограда, запертая клеть, звуки застолья за стеною... Все это повергает героиню в состояние тревоги и ужаса. Традиции романтического повествования соблюдены: в момент наивысшего напряжения всех чувств появляется экзотическая же спасительница – «косая татарка». Побег в ночи, страх погони, хмельная радость бешеной скачки на добром коне по лесу избавляют от столичной тоски, но делают героиню заложницей пережитой бури чувств.

Примеры подобного мироощущения, реализованного в такого рода текстах, характерны для «зазубринского» периода в руководстве журналом (он был ответсекретарем в 1924–1928 гг.), впоследствии получившего ярлык «зазубрищины». В это время редколлегией учитывалось не только соответствие публикуемого текста «правильной» идеологической линии, но и художественные достоинства произведения – ведь «поэт не является пресмыкающимся наемником революции, он не бежит, как раб, за её победной колесницей» [38. С. 9]. Над проблемами творчества в контексте времени много размышлял ведущий критик журнала Валериан Правдухин. Так, в предисловии к книге Вивиана Итина «Солнце сердца», раздумывая, примет ли читатель новаторские стихи Итина – одного из ярких разработчиков ойротской темы (см. его поэму в прозе «Каан-Кэрэдэ» (СО. 1926. № 1–2. С. 32–98), Правдухин писал о раздвоении смутной и странной души лирика «по двум руслам: с одной стороны – грезы о голубых берегах, голубых высотах, зачарованной выси, искание синих берегов, лучезарных сфер, родственных ему звезд бесконечности, – и все это наряду – с другой стороны – со звериной, непосредственной и стихийной жадой первобытных ощущений, каких-то оргийных вдыханий в себя тайги, зим, тропических запахов, переживаний зверя; восприятие революции, как сказочного похода, первобытной, дикарской и прекрасной охоты» за врагом быстроногим и ловким [38. С. 6].

Это был не столько абрис стиля анализируемого автора, сколько рассуждение о поэтах-интеллигентах, ищущих свой путь в потоке времени. Интеллигент – в «теории» – межпланетное существо»; в жизни же, особенно в практике революции, он обязан стать самим собой, т.е. должен найти и определить наконец свое социальное гнездовье, если он не хочет остаться безличным материалом для удобрения почвы господствующих классов [38. С. 10].

Можно утверждать, что «голубой Алтай» (Ойротия) – устойчивый эпитет «голубой» закрепляется в СО за этим географическим пространством – все отчетливее рисовался в контексте подобных размышлений не просто как экзотическая национальная окраина, населенная первобытными туземцами, которых в сжатые сроки необходимо цивилизовать, а представлял метафорическим пространством инициации, где творческая личность способна обрести «претворенное в культуре мужество дикаря к подвигам, гордым взлетам борьбы, жажду к походам за счастьем, наслаждение борьбы за свою первооснову, извечно-человеческое» [38. С. 8]. Но самое емкое определение литературной функции Алтая сделал В. Итин: «Алтай для сибирской поэзии то же, что и Кавказ для русской» (СО. 1926. № 5–6. С. 263). СО на протяжении своей довоенной истории ярко продемонстрировали точность данного сравнения.

Литература

1. Балухатый С.Д. Литературный и искусствоведческий журнал за годы революции (1917–1932) // Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1927–1932 / сост. К.Д. Муратова. Л., 1933. С. 5–23.
2. Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Антология. Советский период / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 329–374.
3. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. // [http:// vital.lib.tsu.ru/vital/access/ manager/ Repository/vtls:000373156](http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000373156)
4. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX в.: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
5. Яранцев В. Как все зажигалось: «Сибирские огни» и «Красная новь» // СО 2007. №3. С. 191–205.
6. Жилкова Н.В. Журналистика Томской губернии второй половины XIX – начала XX века: идея областничества: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012. 439 с.
7. Киселев В.С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII–первой трети XIX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006. 408 с. // [http:// vital. lib.tsu.ru/ vital/access/ manager/Repository/vtls:000220209](http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000220209)
8. Яранцев В. Краткая история долгого пути (К 90-летию «Сибирских огней») // СО. № 10. 2012. С. 159–171.
9. Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990. 544 с.
10. Гордиенко П.Я. Ойротия. Новосибирск: Огиз, 1931. 144 с.
11. Слокум Д. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в России // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: Антология / сост. П. Верг, П.С. Кабытов. А.И. Миллер. М., 2005. С. 502–531.
12. Мамет Л.П. Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930. Репр. Горно-Алтайск. 1994. 181 с.
13. Азадовская Л.В. В.И. Анучин в Сибири. Легенда и факты // Фольклор и литература в Сибири. Вып. 3. Омск, 1976. С. 145–156.
14. Майдурова Н.А. Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 г. (от Горной думы – к Каракурму). Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2002. 188 с.
15. Рерих Н.К. Сердце Азии. Sousbury. Conn., USA: Alatas, 1929. 138 с.
16. От уезда к республике: сб. архивных документов. Горно-Алтайск, 2001. 275 с.
17. Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы (Постановка проблемы) // Сибирский текст в русской культуре: сб. статей. Вып. 2. Томск, 2007. С. 60–76.
18. Екеев Н.В. Проблемы исторической этнографии алтайцев в отечественной науке XIX–XX вв. // Г.Н. Потанин и народы Алтае-Саянского горного региона: через поколения в будущее. Горно-Алтайск, 2005. С. 65–99.
19. Горный Алтай и его население: Кочевники Бийского уезда. Т. 1. Вып. 1 / сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1900. 360 с.
20. Демидов В.А. От Куракорума к автономии: (пособие по спецкурсу). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1996. 156 с.
21. Тадыжеков А.С. Страницы истории: Звездные часы Сары-Сэпа Конзычакова // www.listok.ru/30552
22. Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
23. Азадовская Л.В., Азадовский К.М. История одной фальсификации. М.: РОССПЭН, 2011. 263 с.
24. Якимова Л.П. Многонациональная Сибирь в русской литературе. Новосибирск: Наука, 1982. 228 с.
25. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН. Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с.

26. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 512 с.
27. Ковтун Н.В. Идея «земного рая» в повести А.Е. Новоселова «Беловодье // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2010. С. 133–143.
28. Черняева Т.Г. Многоликая Сибирь в прозе Георгия Гребенщикова // Гребенщиков Г.Д. Сибирские повести и рассказы (1911–1919). Кн. 1. Бийск, 2007. С. 4–17.
29. Алтай, будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки: Продолжение к книге «Северные сияния» / ред.-изд. В. Отпетый. Лейпциг, 1882. 93 с.
30. Сапожников В.В. Пути по русскому Алтаю. Томск, 1912. 178 с.
31. Анохин А.В. Лекции по алтаеведению / подгот. текста и предисл. А.В. Малинова. Бийск: ООО «Изд. Дом «Бия», 2011. 152 с.
32. Богданов В.В. Значение областных музеев для задач краеведения // Краеведение. 1923. № 1. С. 11–14.
33. Стрижков П.Н. Таежная быль: рассказы, очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1935. 120 с.
34. Ламин В.А. Золотой след Сибири. 2-е изд. Новосибирск: Наука, 2002. 144 с.
35. Добычин-Алтайский Н. Ит-Кара // Октябрь. 1926. № 3. С. 41–60.
36. Терентьева М.К. Испытание. Стихи разных лет. М.: Сов. писатель, 1965. 88 с.
37. Воспоминания об Иване Катаеве / сост. М.К. Терентьева-Катаева. М.: Сов. писатель, 1970. 286 с.
38. Правдухин В. Синтез солнца и сердца // Итин В. Солнце сердца. Новониколаевск: Книгоиздательство «Сибирские огни», 1923. С. 5–13.

OYROTIA IN THE JOURNAL *SIBIRSKIE OGNI*: THE INITIAL STAGE OF FORMING THE IMAGE OF THE SOVIET NATIONAL MARGIN.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 4 (30), pp. 158–172. DOI 10.17223/19986645/30/12
 Shastina Tatiana P., Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: tshliteratura@mail.ru

Keywords: regionalism in literature, Russian literature of Siberia, journal *Sibirskie Ognii*, Oyrotia, natives, motif, national policy.

The article examines the publications of the journal *Sibirskie Ognii* in 1922–1926 devoted to Gorny Altai. After receiving the administrative-territorial autonomy, this part of southern Siberia became known as Oyrotia and its indigenous population – Oirats (i.e. descendants of the legendary Khan Oyrat, the indigenous population associated the idea of liberation from the Russian influence and the idea of national prosperity with his arrival). Under this collective name a conglomerate of the Turkic ethnic groups of Gorny Altai became one of the Soviet "oppressed peoples of the East", whose national identity was welcomed and strongly supported by national policies during the New Economic Policy. When analyzing the effects of the ideological order, the author relies on the works by Y. Slezkin, J. Slocum, T. Martin. The theoretical arguments of the leading authors of the journal V. Pravdukhin and V. Zazubrin associated with the expectation of the peripheral breakthroughs in the art in the early Soviet era were supporting in the analysis of the aesthetic component.

The starting position of the article is that writers grouped around *Sibirskie Ognii* used Oyrotia, with its diverse ethnic composition of national minorities and exceptional landscape attractiveness, as an experimental platform for generating the image of the Siberian Soviet national margin. The article demonstrates three main lines of constructing the image: 1) ideological (in the conditions of national autonomy natives must urgently overcome underdevelopment); 2) ethnosocial (the Altai/ Oirats natives are exotic primitive peoples); 3) natural and ecological (Gorny Altai is a "wild" exotic space). By the time the Siberian Union of Writers (1926) was created, these lines merged into a conviction that depiction of life of indigenous peoples and appeal to their folklore are an indispensable condition for the development of the Siberian literature. This point became the basis of the accelerated development of literatures of the peoples of Siberia and, in particular, contributed to the formation of the Altai national literature.

The first line is considered by example of a cultural-historical essay by L. Konzychakov, the second – by example of essays "Infants of the Mountains" by G. Pushkarev, the third – by example of the report on local history trips to the mountains and the stories by P. Strizhkov. According to the author's obser-

vations, all three lines in varying completeness are present in almost every publication of *Sibirskiye Ogni* about Oyrotia, forming a stable plot and motif complex of the national margin. It is concluded that *Sibirskiye Ogni* played a crucial role in constructing Oyrotia as a "literary reality". Vivian Itin gave a precise definition of the specificity of the "literary" Oyrotia: "The Altai for the Siberian poetry is like the Caucasus for the Russian one".

References

1. Balukhatyy S.D. *Literaturnyy i iskusstvovedcheskiy zhurnal za gody revolyutsii (1917-1932)* [Literary and art criticism journal during the revolution (1917-1932)]. In: Muratova K.D. *Periodika po literature i iskusstvu za gody revolyutsii. 1927 – 1932* [Periodicals in literature and art during the revolution. 1927-1932]. Leningrad: USSR AS Publ., 1933, pp. 5 - 23.
2. Slezkin Yu. *SSSR kak kommunal'naya kvartira, ili kakim obrazom sotsialisticheskoe gosudarstvo pooshchryalo etnicheskuyu obosoblennost'* [USSR as a communal apartment, or how a socialist state encouraged ethnic isolation]. In: David-Fox M. *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Antologiya. Sovetskiy period* [American Russian Studies: milestones in the historiography of the last years. Anthology. Soviet period]. Samara: Samara State University Publ., 2001, pp. 329-374.
3. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. V 4 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia. In 4 vols.]. Vol. 4. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000373156>.
4. Anisimov K.V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX v.: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of poetics of Siberian literature of the 19th – early 20th centuries: features of formation and development of regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005. 304 p.
5. Yarantsev V. *Kak vse zazhigalos'. "Sibirskie ogni" i "Krasnaya nov"* [How it all lighted. Sibirskie Ogn and Krasnaya Nov']. *Sibirskie ogni*, 2007, no. 3, pp. 191-205.
6. Zhilyakova N.V. *Zhurnalistika Tomskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh veka: ideya oblastnichestva*. Diss. d-ra filol. n. [Journalism of Tomsk Province of the second half of the 19th – early 20th centuries: the idea of regionalism. Philology Dr. Diss.]. St. Petersburg, 2012. 439 p.
7. Kiselev V.S. *Metatekstovye povestvovatel'nye struktury v russkoy proze kontsa XVIII- pervoy treti XIX v.* Diss. d-ra filol. n. [Metatextual narrative structures in the Russian prose of the end of the 18th – first third of the 19th centuries. Philology Dr. Diss.]. Tomsk, 2006. 408 p. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000220209>.
8. Yarantsev V. *Kratkaya istoriya dolgogo puti (K 90-letiyu "Sibirskikh ogney")* [A brief history of a long journey (to the 90th anniversary of Sibirskie Ogn)]. *Sibirskie ogni*, 2012, no. 10, pp. 159-171.
9. Shklovskiy V.B. *Gamburgskiy schet: Stat'i – vospominaniya – esse (1914-1933)* [Hamburg Score: Articles – memories – essays (1914-1933)]. Moscow: Sovetskiy Pisatel' Publ., 1990. 544 p.
10. Gordienko P.Ya. *Oyrotiya* [Oyrotia]. Novosibirsk: Zapsibotdelenie gos. izd-va Publ., 1931. 144 p.
11. Slokum D. *Kto i kogda byli "inorodtsami"? Evolyutsiya kategorii "chuzhie" v Rossii* [Who were "aliens" and when were they? The evolution of the category "aliens" in Russia]. In: Vert P., Kabytov P.S., Miller A.I. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let. Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years. Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 502-531.
12. Mamet L.P. *Oyrotiya. Ocherk natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya i grazhdanskoy voyny na Gornom Altai* [Oyrotia. Sketch of the national liberation movement and the Civil War in Gorny Altai]. Moscow, 1930. Re-edition: Gorno-Altaysk, 1994. 181 p.
13. Azadovskaya L.V. *V.I. Anuchin v Sibiri. Legenda i fakty* [V.I. Anuchin in Siberia. The legend and the facts]. In: Leonova T.G. (ed.) *Fol'klor i literatura Sibiri* [Folklore and Literature of Siberia]. Omsk, 1976. Issue 3, pp. 145-156.
14. Maydurova N.A. *Gornyy Altay v 1917- pervoy polovine 1918 gg. (ot Gornoy dumy – k Karakorumu)* [Gorny Altai in 1917 and the first half of 1918. (from Gornaya City Council to Karakorum)]. Gorno-Altaysk: Univer-Print Publ., 2002. 188 p.
15. Roerich N.K. *Serdtshe Azii* [Heart of Asia]. Sousbury (Conn.), USA: Alatas, 1929. 138 p.
16. *Ot uезда k respublike: Sbornik arkhivnykh dokumentov* [From the county to country: Collection of archival documents]. Gorno-Altaysk, 2001. 275 p.
17. Anisimov K.V. *Paradigmatika i sintagmatika sibirskogo teksta russkoy literatury (Postanovka problemy)* [Paradigmatics and syntagmatics of the Siberian text of Russian Literature (on

stating the problem)]. In: Kazarkin A.P., Serebrennikov N.V. (eds.) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian text in Russian culture]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2007. Issue 2, pp. 60-76.

18. Ekeev N.V. *Problemy istoricheskoy etnografii altaytsev v otechestvennoy nauke XIX- XX vv.* [Problems of historical ethnography of the Altai peoples in the Russian science of the 19th-20th centuries]. In: Antardonov Yu.V. et al. (eds.) *G.N. Potanin i narody Altae-Sayanskogo gornogo regiona: cherez pokoleniya v budushchee* [G.N. Potanin and peoples of the Altai-Sayan mountain region: through the generations to the future]. Gorno-Altaysk, 2005, pp. 65-99.

19. Shvetsov S.P. *Gornyy Altay i ego naselenie. Kochevniki Biyskogo uezda* [Altai and its peoples. Nomads of Biysk County]. Barnaul, 1900. Vol. 1, issue 1, 360 p.

20. Demidov V.A. *Ot Kurakorum k avtonomii* [From Kurakorum to autonomy]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1996. 156 p.

21. Tadyzhkeev A.S. *Stranitsy istorii. Zvezdnye chasy Sary-Sepa Konzychakova* [Pages of history. The star clock of Sarah-Sep Konzychakov]. Available at: www.listok.ru/30552.

22. Mitirov A.G. *Oyraty – kalmyki: veka i pokoleniya* [Oirats – Kalmyks: ages and generations]. Elista: Kalm. kn. izd-vo Publ., 1998. 384 p.

23. Azadovskaya L.V., Azadovskiy K.M. *Istoriya odnoy fal'sifikatsii* [The story of one of falsification]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 263 p.

24. Yakimova L.P. *Mnogonatsional'naya Sibir' v russkoy literature* [Multinational Siberia in the Russian literature]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 228 p.

25. Martin T. *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939* [The Empire of "positive activities". Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939]. Translated from English by O.R. Shchelokova. Moscow: ROSSPEN, Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina Publ., 2011. 855 p.

26. Slezkine Yu. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Translated from English by O. Leont'eva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 512 p.

27. Kovtun N.V. *Ideya "zemnogo raya" v povesti A.E. Novoselova "Belovod'e"* [The idea of "paradise on earth" in the story "Belovodie" by A.E. Novoselov]. In: Anisimov K.V. (ed.) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian text in the national scene space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2010, pp. 133-143.

28. Chernyaeva T.G. *Mnogolikaya Sibir' v proze Georgiya Grebenshchikova* [The many faces of Siberia in the prose of G. Grebenshchikov]. In: Grebenshchikov G.D. *Sibirskie povesti i rasskazy (1911-1919)* [Siberian novels and short stories (1911-1919)]. Biysk, 2007. Book 1, pp. 4-17.

29. Otpetyy V. (ed.) *Altay, budushchaya Kaliforniya Rossii i tsarstvovavshie na Altae poryadki. Prodolzhenie k knige "Severnye siyaniya"* [Altai, the future California of Russia and Altai orders. The sequel to the book "Northern Lights"]. Leipzig, 1882. 93 p.

30. Sapozhnikov V.V. *Puti po russkomu Altayu* [Ways along the Russian Altai]. Tomsk, 1912. 178 p.

31. Anokhin A.V. *Lektsii po altaevedeniyu* [Lectures on Altai Studies]. Biysk: Izdat. Dom "Biya" Publ., 2011. 152 p.

32. Bogdanov V.V. *Znachenie oblastnykh muzeev dlya zadach kraevedeniya* [The role of regional museums for tasks of regional studies]. *Kraevedenie*, 1923, no. 1, pp. 11-14.

33. Strizhkov P.N. *Taizhnaya byl': Rasskazy, ocherki* [Tale of taiga: stories, essays]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1935. 120 p.

34. Lamin V.A. *Zolotoy sled Sibiri* [The golden trail of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2002. 144 p.

35. Dobychin-Altayskiy N. It-Kara [It-Kara]. *Oktyabr'*, 1926, no. 3, pp. 41-60.

36. Terent'eva M.K. *Ispytanie. Stikhi raznykh let* [Trial. Poems of different years]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1965. 88 p.

37. Terent'eva-Kataeva M.K. *Vospominaniya ob Ivane Kataeve* [Memories of Ivan Kataev]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1970. 286 p.

38. Pravdukhin V. *Sintez solntsa i serdtsa* [Synthesis of the sun and the heart]. In: Itin V. *Solntse serdtsa* [The sun of the heart]. Novonikolaevsk: Sibirskie ogni Publ., 1923, pp. 5-13.